

ЖИЗНИ И СЦЕНЫ

ЗА КУЛЕСАМИ

Виз. Москва. - 1994. - 6 окт. - с. 5

Вахтанг Кикабидзе:

«Я не хочу спасаться бегством!»

Когда распался Советский Союз, мы — вчерашние друзья и соотечественники — побежали друг от друга. Каждый — навстречу своей маленькой свободе. Опомнились, огляделись: никого вокруг! Получилось прямо по-Высоцкому: в этой скачке потеряли мы лучших товарищей, «на скаку не заметив, что рядом товарищей — нет»... Теперь вот аукаемся через стихийно возведенные границы, пытаемся перекричать канонаду междоусобицы.

В прошлом году до Москвы с большим трудом добрались артисты грузинской эстрады. Среди них был популярнейший певец и актер Вахтанг Кикабидзе, о котором с 1989 года не было ни слуху ни духу. Столичные зрители сохранили об этих концертах добрую память. А теперь — новая встреча с ним: с 6 по 9 октября в ДК АЗЛК пройдут его большие сольные выступления.

— Вахтанг Константинович, как вам понравилась обновленная Москва?

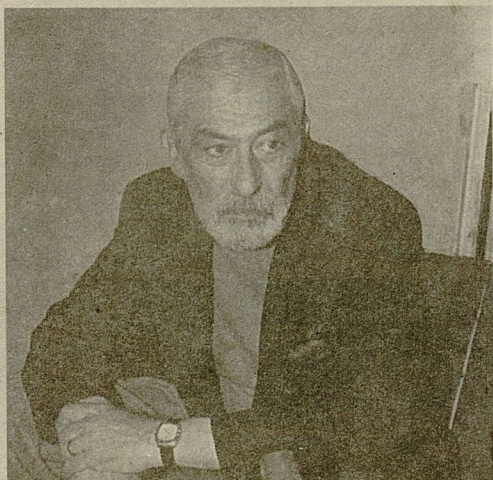
— Очень понравилась! Я уверен, через несколько лет Москва вернет себе былую славу, снова станет одним из красивейших городов мира. Все к этому идет: взяты такие темпы, открыты такие возможности! А уж если вся Россия станет такой, как Москва, это будет великое государство.

— Когда вы приезжали сюда в семидесятые—восемьдесятые годы, вы были «звездой» первой величины. А сегодня не наблюдаете потерю интереса к себе?

— Естественно, чувствуется, что интерес потерял, особенно у молодежи. Меня это не удивляет, потому что сейчас на смену пришло совсем другое искусство, иная музыка. Но вот вчера у меня было два разговора. Один — с очаровательной, изумительной певицей Аллой Баяновой, которую я очень люблю. Другой — с молодыми ребятами из группы «Дюна», они мне тоже нравятся. То уважение, которое я почувствовал в их словах, меня обрадовало. А ведь это совсем другое поколение! Но и с Баяновой, и с ними мне было одинаково легко говорить, мы друг друга понимали. К сожалению, музыка, которая сейчас звучит повсюду, — это не наша музыка, и мы лучше американцев ее не сделаем никогда: ни поп, ни рок, ни рэп. Я сам люблю все эти направления, разбираюсь в них, у меня дома молодежь этим увлекается — и дай Бог! Но они и другой музыкой интересуются. Думаю, рано или поздно молодым людям самим станет интересно: кто они, откуда, из какой песни родом?

— Вы надеетесь, что люди, не знающие (и не желающие знать) своих корней, образуются? Верится с трудом...

— Нет, такие, конечно, не образуются — сколько бы лет ни прошло, они уже своего не наверстают. Но есть на эстраде люди довольно-таки образованные, которые поют всякую чушь откровенно ради коммерции. Надеюсь, им просто станет стыд-

но. А что касается «звезд»... Вот вы меня так называли, а я и не знаю: был ли я «звездой» или нет? Тогда это слово как-то не употребляли. Если бы меня так называли, я бы, наверное, со стыда умер! «Звезда» — это не просто слово, это что-то очень яркое, талантливое, высокое. Я считаю, «звездой» была Шульженко. Утесов, Бернес — тоже. Недавно ушедший Смоктуновский... Суперзвездой для меня был Володя Высоцкий. А самая яркая «звезда», с которой мне довелось повстречаться, — Василий Шукшин. До сих пор Россия не поняла, какого размера была эта «звезда»!.. А сегодня сделать «звезду» очень легко, потому что это упирается только в материальную сторону. Ну, дай-то Бог: может, чем больше у нас будет «звезд», тем светлее станет наша жизнь...

— Вахтанг Константинович, если вас подзабыли, стало быть, надо как-то напоминать. Где, к примеру, можно купить кассету с вашими песнями?

— Сегодня, к сожалению, нигде. Мне сказали, только на Арбате продаются видеокопии фильмов с моим участием. И все. Но сейчас я начинаю этим вопросом заниматься. Вот в ноябре поеду в Америку на гастроли — может быть, договорюсь и запишу там один или два компакт-диска.

— А пока, значит, придется нас слушать старые, затертые до дыр пластинки?

— Да. Или что-то другое, — смеется собеседник.

— Ладно, не будем о грустном. Давайте лучше вернемся к началу вашей творческой биографии. Как Вахтанг Кикабидзе стал таким, каким мы его любим?

— Не сразу, не сразу все произошло... Как-то мои друзья привели меня на репетицию самодеятельного оркестра в медицинском институте Тбилиси. С этого дня я прекратил общение с улицей и

только ждал того дня и часа, когда снова пойду на репетицию. Скоро меня стали допускать к микрофону, и я перепел во всех самодеятельных коллективах институтов Тбилиси, кроме, пожалуй, того... где коров лечат?... зооветеринарного! Там просто не было своего оркестра. Так, еще будучи школьником, я уже стал популярным среди студентов. Потом благодаря моему пению меня позвали в институт иностранных языков... Через два года я оттуда ушел. У меня была мечта — попасть в филармонию. Я уже не мыслил жизни без эстрады и с 1959 года начал работать в концертных бригадах. Первые мои гастроли в Ростове были раскритикованы местной газетой. Статья называлась «Неужели это всерьез?», и в ней меня очень ругали за хриплый голос, который воспринимался тогда как какой-то пережиток капитализма... Надо сказать, это была первая и последняя статья, где меня ругали по творческим вопросам. Позднее ругали уже за то, что позволяю себе говорить с эстрады кое-что нелепое. Был даже такой период, когда ни одна филармония Советского Союза меня не принимала: существовал негласный приказ сверху, обвиняющий меня в идеологической неблагонадежности. Хотя диссидентом я никогда не был, в политику не стремился, но всегда был на стороне маленького человека...

— Как складывалась ваша дальнейшая судьба?

— В 1963 году образовался квартет «Диэло», и меня туда позвали. С этим ансамблем мы впервые выехали за границу: были в Венгрии, Афганистане и Африке. Тем временем всюду набирал силу квартет четырех студентов тбилисского иняза — «Орэра». И приблизительно тогда же в Ливерпуле появились четыре длинноволосых парня — ансамбль «Битлз» (это в те годы казалось, что они такие уж длинноволосые; сегодня их можно было бы назвать коротко стриженными). Нам рассказали, что «Битлз» сами играют и поют. И мы решили тоже создать играющий и поющий ансамбль. В бывшем Советском Союзе наш «Орэра» стал первой такой группой. Я пришел туда как барабанщик и певец. Наши гастроли в Москве в 1966 году произвели эффект разорвавшейся бомбы, настолько это было непривычно. Позднее появился бакинский ансамбль «Гая», очень серьезный, кстати говоря, коллектив. Потом появилась «Машина времени». Я очень уважаю эту группу, особенно ее лидера — Андрея Макаревича. Насколько уважаю, что даже смотрю его кулинарные передачи: мне и это нравится, ибо он бесконечно артистичен и талантлив во всем, что делает.

— Но вы снова отвлеклись...

— Да. Потом у меня было много перипетий, в 1975 году я стал руководителем «Орэра», тогда же меня пригласили в штат киностудии «Грузия-фильм».

— Когда же началась сольная карьера? Какие песни принесли вам широчайшую популяр-

ность в России?

— Еще работая в «Орэра», я старался, чтобы наши песни выглядели своеобразными театризованными номерами. Первая песня, ставшая популярной, называлась «Я пьян от любви». Из незамысловатой истории я сделал такую картинку, как молодой человек из-за своей несчастной любви опускается все ниже и ниже... Потом появилась баллада «Последний фазтонщик», ее до сих пор просят спеть на концертах. Потом на моем горизонте возникли очень талантливые мелодисты — Георгий Мовсесян, Алексей Экимян, Борис Емельянов, Александр Морозов. Поэты тоже были — дай Бог каждому: Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Расул Гамзатов, Глеб Горбовский. Пятнадцать лет мне понадобилось для того, чтобы понять: наконец-то я нашел свой стиль, свою манеру, своих авторов. Я почему о «звездах» заговорил — они так быстро это понимают! Может быть, мы в свое время немного тупее были?

— Говорят, вы перенесли тяжелую операцию?

— Да, в 1979 году. После нее врачи запретили мне и выступать, и сниматься. Но я — ненормально работоспособный человек, и этими противопоказаниями пренебрег. Слава Богу, все нормально пока... А приостановилась моя песенная карьера только к 1989 году, когда начались неприятности в Грузии.

— Как у вас на родине воспринимали то, что самые знаменитые ваши песни были написаны в соавторстве с армянскими композиторами?

— Вы понимаете, в чем дело: я уже пятьдесят шесть лет живу в Грузии и не помню, чтобы здесь когда-нибудь были популярны шовинистические настроения. Это появилось только с приходом Гамсахурдиа к власти. Его сторонники как раз и прозвали меня «врагом грузинского народа», потому что я пел иногда на русском и армянском языках...

— Но ведь Гамсахурдиа на какие-то основания все-таки рассматривал в своей политике?

— Да, но ведь и у вас есть такой «рыцарь» — Анпилов, который даже внешне очень похож на тех людей, что рядом с Гамсахурдиа всегда стояли. Это — общая болезнь. Здесь и власть виновата, и мы сами: таких авантюристов надо вовремя замечать, уметь им противостоять.

— В создавшейся экономической и политической ситуации людям обыкновенным жить очень сложно. У вас же есть популярность. Вам-то хоть легче других?

— Наоборот, сложнее. У меня из-за своего положения обязанности тоже другие, понимаете? Я обязан принимать гостей, у нас дом открытый... А я с 1989 года, можно сказать, практически не работаю. Кручусь кое-как... Мы сейчас все друг другу помогаем и как-то выкручиваемся. Очень многие не поверят, но если мой товарищ, допустим, достает картошку, он обязательно мне тоже принесет. Такая сейчас ситуация в Грузии.

— То есть, даже для вас вопрос картошки актуален?

— Да. Я, конечно, могу куда-то зайти, что-то попросить, — мне дадут. Но я этого в жизни не делал и не сделаю. Для друзей — да, для себя — нет. Меня, кстати, друзья-москвичи все время звали переехать в Москву. Я этого тоже не делаю — в принципе. Еще не настал такой день, когда нужно будет спасаться бегством. И, надеюсь, не настанет!